

Берестовские пения

В апреле я начинаю ждать звонка от поэта-барда Андрея Анпилова. При достаточно теплых отношениях видимся мы редко и нерегулярно – за одним-единственным исключением. В апреле родился поэт Валентин Дмитриевич Берестов. В апреле же он и умер.

Его путь в литературе был типичный – для настоящего писателя в советское время, естественно, с небольшими индивидуальными отличиями. Сначала вещи печатаются – не сразу, не каждая и не совсем в том виде, как писались, при цензурном скрепе и ругани официальной критики. Впоследствии – спустя десятилетия – приходит всероссийская (тогда всесоюзная) слава детского писателя и поэта. Стихи, известные каждому, ну почти каждому ребенку, сценарии к мультфильмам, которые смотрели все – и взрослые, и дети. Но ведь Берестов к детской литературе не сводился. Это, может быть, главное направление в его творчестве, но далеко не единственное. Он много и плодотворно работал и для взрослых: среди созданного, написанного за 70 лет жизни, – стихи и проза (рассказы, повести и воспоминания), эссе и критические работы. В частности, он был известным пушкинистом (“Ранняя любовь Пушкина”, “Лестница чувств”).

Его произведения читались, копировались и среди профессионалов, но... Как заметил недавно поэт Наум Коржавин: “К нему было странное отношение. Его признавали, и читатель его читал. Но была несправедливость какая-то. Ему было недодано, хотя он был известный и знаменитый. А, Берестов, ну...” Над ним довлею клеймо писателя детского (как будто писать для детей просто!), и взрослые его вещи воспринимались несколько свысока даже теми, кто сам выда-

вал на-гора продукцию для старших в принципе куда менее талантливую. Вообще постоять за себя, пробить публикацию, книжку, премию Берестов не умел. Другое дело, что, когда речь шла о защите не собственных интересов, а чужих, скажем, о превращении дачи Чуковского в музей, Берестов намеренно таки добивался. Именно поэтому на протяжении многих лет он был первым в литфондовском списке на дачу в Переделкине, но так ее и не получил. Получали другие. Среди друзей ходила история о том, как, вернувшись из Японии, Берестов впервые раскритиковал свою тяжелую жизнь в Советском Союзе: “Унитаз без подогрева вызывает чувство гнева”. А в свободное от работы время поэт принимал гостей на кухне, беседовал с друзьями (самого разного возраста, от сверстников до 20-, 30-летних), обменивались новостями, литературными и политическими, куда-то вместе выбирались и выезжали. Вроде бы люди просто общались, смерть показала, что не только.

Наступившая в стране свобода слова в конце концов (во второй половине 90-х, при массовом падении тиражей) добралась и до Берестова. К 70-летию писателя издатели созрели до его собрания сочинений, куда должны были войти основные произведения, созданные им более чем за 50 лет творческой деятельности, – первые стихи, кстати, вполне профессиональные, были написаны в 14 лет. Намечался трехтомник, постепенно уменьшающийся до двухтомника. Приходилось чем-то жертвовать. Решили – детскими произведениями, которые все-таки выходят постоянно. Но и на оставшийся двухтомник издательству имени Сахарниковых собственных сил не хватило и пришлось прибегнуть к помощи “Вагриуса”. Автор ус-

В. Берестов

пел поддержать в руках сигнальный экземпляр, но тираж привезли уже на похороны.

И вот после этого начались чудеса. В России сейчас много прекрасных писателей, благополучно и спокойно забытых, но в течение пяти лет каждый год в Государственном музее В.В. Маяковского проходит вечер памяти Берестова и еще один – в Российской государственной детской библиотеке. В ней же был создан Литературный центр В.Д. Берестова, собирающий все материалы, связанные с его именем, в частности для сборника “Берестов в воспоминаниях современников”. Причем размах работы поражает – мемуары поступают не только из Москвы и России, но и из Украины, из Бельгии, Америки, Австралии, Японии.

Всерьез участвовал центр и в издании книг В.Д., после его смерти, как ни странно, все нарастающем. Ну с детскими стихами и сказками понятно, они у него и при жизни выходили регулярно. Но без перерыва пошли и другие, взрослые, вещи, причем такие, о публикации которых сейчас вроде бы и мечтать не приходится. Так, например, в библиотеке журнала “Варант-Москва” в 2001 году выпущен сборник “Застен-

чивый трубач”, который составили воспоминания, стихи, песни (В.Д. сочинял и песни, некоторые из них исполнял сам, а две – “Эшелоны, 1941” и “Мурка” – теперь стали народными), литературно-критические статьи, переводы, эссе, исследования по русскому языку, даже одна радиопередача.

Аккурат к юбилею В.Д. в Санкт-Петербурге вышли “Избранные стихотворения”.

И в заключение несколько слов о самом вечере в Музее Маяковского. Конечно, вполне самодостаточной мотивацией подобных встреч было бы просто желание ближнего круга В. Берестова встречаться. И кстати, эта мысль звучит там регулярно. Но получилось, по-моему, много больше – некий литературный феномен, пусть даже в масштабах страны и незаметный.

Очень продуктивной оказалась главная установка, которая проявилась еще на первом из пяти прошедших вечеров. Потому что день памяти, сводился он только к воспоминаниям, при самых добрых чувствах исчерпаем. И это направление раз от раза уменьшалось, а основное место заняло другое. Дело в том, что процесс общения с Берестовым при жизни обязательно включал в себя обмен творчеством. И вот уже который раз самые разные писатели собираются вместе при, казалось бы, достаточно условном принципе объединения – бывая дружба с одним человеком – поделиться лучшим написанным за прошедший год.

Так что вечер вполне заслуживал названия Берестовских чтений, или пеней, потому что 90 процентов выступающих были бардами. И может быть, скоро мы увидим и такую книгу – “Берестовские пения”.

Павел НУЙКИН

Кубиатура – 2003 – 19-25 июня 8. – с. 7